

В. В. Каратовская

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВАРЯЖСКОГО ВОПРОСА (В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Рассматриваются современные проблемы и перспективы синтетической интерпретации варяжского вопроса, проблема значимости чужеродного влияния для становления раннесредневековых государств. Автор анализирует современную учебную продукцию по отечественной истории, в которой состояние варяжского вопроса получает особое преломление. Делается вывод о необходимости сопряжения исторического материала, собранного на микро- и макроуровне исследования, при решении варяжского вопроса.

Ключевые слова: *ксенократия, норманнская проблема, миф, самосознание, полидисциплинарный подход.*

Варяжский вопрос возник во второй четверти XVIII в. вместе с самой отечественной исторической наукой и на протяжении двух с половиной веков постоянно фигурировал в ней, то затухая, то вспыхивая с новой силой. Тесно связанный с вопросом о соотношении внешних и внутренних факторов в процессах генезиса государственности, а также о возможности привнесения государственности извне, варяжский вопрос на сегодняшний день является одним из актуальных вопросов историографии и методологии истории. Следует заметить, что норманнская проблема присутствует не только в отечественной, но и во многих других национальных историографиях, и для ее решения необходимо сопоставление исторического материала из истории разных европейских стран, включая российскую. Исследование норманнской проблемы представляется тем более актуальной задачей, что, по замечанию многих исследователей, варяжский вопрос играет в российской национальной памяти «роль не только историческую, но и политическую и даже идеологическую, если не сказать философскую» [1, с. 43] и вплоть до сегодняшнего дня сохраняет прямую связь с основными политическими и национальными проблемами [2, с. 6–7]. При этом наиболее пристальное внимание варяжский вопрос привлекает, как правило, в периоды идеологических кризисов, когда актуализируется проблема начал Русского государства и противостоящие стороны осознанно или нет интерпретируют ее в соответствии с собственным пониманием тенденций развития российского общества в настоящем и будущем.

Скупые и фрагментарные сведения источников IX–X вв. – времени зарождения и формирования Древнерусского государства – препятствуют созданию надежных исторических реконструкций. Отчасти в этом кроются причины того, что на страницах современных российских учебно-научных текстов часто присутствует ряд мифологем, связанных с происхождением древнерусской государственности [3, с. 13–15]. Поскольку в учебной литературе находят отражение, с одной стороны,

основные достижения исторической науки и утвердившиеся в ней концепции, с другой – «все самое догматическое», в силу того, что учебники «всегда испытывают давление посторонних, не имеющих отношения к науке, факторов» [4], следует обратиться к анализу современной учебной продукции по отечественной истории, в которой современное состояние варяжского вопроса получает особое преломление.

Забегая вперед, замечу, что данный анализ не является для автора данного текста самоцелью. Своеобразной сверхзадачей написания данной работы является попытка взглянуть на имеющийся задел и одновременно проблемы в решении варяжского вопроса с точки зрения перспектив его синтетической интерпретации. Для такого рода постановки проблемы имеются достаточно серьезные основания. Состояние современного междисциплинарного знания создает ресурсные возможности для верифицируемого анализа историко-психологических механизмов оформления государственности в раннесредневековых обществах. Исследование данных механизмов применительно к оформлению Франкской государственности осуществила И. Ю. Николаева, убедительно показав возможность интерпретировать их при условии сопряжения микро- и макроисторического анализа со значительной степенью точности [5, с. 85–142]. К примеру, современный методологический инструментальный анализ бессознательного в сочетании с теорией типологии генезиса феодализма позволяет исследовать не только особенности функционирования психики вождя в варварских обществах, но и их изменчивость в контексте исторических условий, в которых действовал тот или иной вождь. Подобный историко-психологический анализ, в свою очередь, поможет проследить процесс трансформации власти военного предводителя во власть единоличного правителя, «вставшего над народом». Итак, задачей данного текста является инвентаризация существующих в современной исторической литературе подходов к решению варяжского вопроса с целью обозначения возможных перспектив его историко-психологической

интерпретации. Впервые такой подход был обозначен И. Ю. Николаевой [6], однако автором лишь были обозначены некоторые узловые моменты историко-психологической интерпретации норманнской проблемы.

Возвращаясь к вопросу об отражении варяжского вопроса в современных российских учебниках, необходимо отметить наиболее распространенный и имеющий давнюю историю тезис о том, что норманнский фактор не сыграл сколько-нибудь важного значения в возникновении Древнерусского государства. В значительной части учебной литературы присутствует утверждение о существовании у славян государственной власти в виде княжеской до призвания варягов. «Славяне приглашают к себе варягов княжить, значит, у них, у ильменских словен, уже имела княжеская, т. е. государственная форма власти. Государство на Руси появилось задолго до прихода приглашенных гостей», – читаем в одном из учебных пособий по истории России IX–XVII вв. [7, с. 37]. Та же мысль звучит в учебнике под редакцией Г. А. Аммона и Н. П. Ионичева: «Приход варягов послужил лишь усилению прежнего государства. Так, известно, что до 862 г. в Новгороде правили до 10 поколений русских князей» [8, с. 35]. Подобного рода суждения не учитывают возможность двоякого понимания термина «князь», т. е. соотношения его не только с единоличным правителем, власть которого опирается на дружину, но и применительно к более раннему периоду, с военным предводителем, вождем, известным своими личными заслугами либо происходящим из прославленного рода. Со временем роль военного предводителя возрастала, его власть в обществе упрочивалась, и военная знать постепенно концентрировала в своих руках особую сферу общественного разделения труда – войну, суд, налоги и полицейско-административные функции [6]. Все это служило почвой для становления древнерусской государственности, однако определить точку бифуркации в этом процессе в донорманнский период не представляется возможным (см. об этом: [9, с. 27–40, 63–69; 10, с. 3–38]).

Стремление к удревнению славянской истории в историографии является «верным индикатором роста национального самосознания», причем древность выступает как могучий ресурс для развития, а ее осознание – как «бесспорное достояние национального мифа» [11, с. 364–365]. Вслед за М. В. Ломоносовым авторы учебных пособий подчеркивают «древность славянского народа», «место славян во всемирной истории» (см., напр.: [12, с. 32; 13, с. 30]). Заметим, что применительно к современной историографической ситуации, в которой удельный вес новой критической информации неизмеримо выше, чем в XVIII в., подобного рода по-

пытки выявляют не столько рост национального самосознания, сколько иные идейно-психологические смыслы, как правило, тесно связанные с мотивом укрепления властной вертикали. Приведем примеры подобного рода удревнения славянской государственности. Показательно следующее утверждение одного из неоднократно переиздававшихся вузовских учебников: «Первое достоверное упоминание о государстве Русь на юге Восточной Европы (в “Баварском географе”) относится к 811–821 гг.» [14, с. 17]. Прежде всего следует заметить, что племенные названия, перечисленные в «Баварском географе», составленном во второй половине IX в., плохо поддаются идентификации, кроме того, неясен принцип их перечисления [15, с. 293]. Как правило, к этнонимам «Баварского географа» добавлены данные о количестве «городов» у соответствующего народа, однако эти данные «совершенно неумеренно возрастают при удалении от границ Франкской державы, тем самым выдавая свою фантастичность» [15, с. 293]. Таким образом, хронологические границы подобных «удревнений» нередко строятся на не критичном воспроизведении сообщений зарубежных источников.

В отличие от классической антинорманнской позиции, некоторые авторы учебных пособий признают влияние варягов на формирование Древнерусского государства, однако некорректно его интерпретируют. «По прибытии Рюриковичей междоусобие прекратилось, в племенах наступило спокойствие. Видимо, уже тогда нашим предшественникам была любя “сильная рука”, почитание которой стало чертой ментальности россиян на все последующие века», – отмечает А. Т. Степанищев [7, с. 37]. При этом автор, по-видимому, не будучи знаком с современными социопсихологическими теориями, объясняющими феномен авторитарности власти в традиционных обществах, выпускает из виду, что комплекс установок авторитарно-властного характера, обозначенный автором учебника как «любовь к сильной руке», был присущ не только древнерусскому, но и любому другому раннесредневековому обществу. Эту закономерность в контексте анализа харизмы Меровингов убедительно интерпретирует И. Ю. Николаева, обращаясь к теориям Э. Фромма и установки [5, с. 89–91]. Преобладание авторитарной структуры характера являлось отличительной социально-психологической чертой обществ на ранних стадиях развития, и, следовательно, не могло быть привнесено норманнами в славянский социум. Другое дело, что сама эта структура имела различные историко-психологические конфигурации на разной историко-культурной почве.

Попытки объяснить социально-психологические особенности вне контекста полидисциплинарного

подхода довольно часто приводят к модернизации, переносу образцов и стереотипов современного сознания на более архаичную структуру сознания. «Приглашение варягов было не только вынужденной мерой, но и мудрым шагом. Славяне, заняв огромные территории, не могли быстро освоить их, создать прочную инфраструктуру государства. Славяне пригласили варягов в тот момент, когда сила скандинавов находилась в апогее. Когда, приглашай не приглашай, они все одно явились бы в Восточную Европу, вышли бы к Днепру и к Волге», – пишет А. П. Торопцев в работе «Рюриковичи. Становление династии» [16, с. 5–8]. Иное объяснение призвания варягов находим в учебном пособии под редакцией Я. А. Перехова: «Самое безопасное “политическое сотрудничество” – с тем врагом, который тобой уже бит» [17, с. 12]. Модернизация в данном случае заключается в приписывании славянскому социуму полностью осознаваемых мотивов поведения. С учетом доминирования неосознаваемых ценностных установок авторитарно-властного характера при слабой рациональной рефлексии, речь о которых шла выше, вряд ли можно говорить о «мудром политическом шаге» славян. В условиях внешней угрозы различных противников, среди которых сильнейшим был Хазарский каганат, необходимость обращения к варягам если и признавалась, то скорее на интуитивном, чем на рациональном уровне.

Несмотря на признание необходимости преодолеть противостояние норманнизма и антинорманнизма и учесть сильные и слабые стороны обоих течений в историографии, значительная часть учебной литературы содержит весьма резкие суждения о научной несостоятельности норманнской теории, «не выдерживающей серьезной научной критики» [12, с. 32; 13, с. 30] и «поднимавшейся Швецией и Германией на различных этапах противостояния с Россией» [18, с. 28]. Как правило, авторы отмечают, что сейчас «политические и идеологические страсти вокруг варяжского вопроса уже улеглись», однако при этом часто усматривают в норманнской теории «унизительный расистский подтекст» [19] и утверждают, что А. Л. Шлецер «вытащил сор из избы», сделав ученый спор о происхождении Древнерусского государства «достоянием европейской науки» [18, с. 28]. Для сравнения уместно привести цитату из советского вузовского учебника, написанного в период, когда антинорманизм был «единственно допустимой позицией для отечественных историков и марксистов» [20, с. 10]: «Варяги не участвовали в создании русского государства, строительстве городов, в прокладывании торговых путей. Ни ускорить, ни существенно задержать исторический процесс на Руси они не могли» [21, с. 52].

Сходные мифологемы можно встретить не только в учебной, но и в научной литературе последних лет, касающейся норманнской проблемы. К примеру, по словам В. В. Фомина, «норманны... не имели никакого отношения ни к истории Руси IX – середины X вв., ни к происхождению династии Рюриковичей» [22, с. 474]. Между тем, по справедливому замечанию Г. И. Анохина, «большинство антинорманистов, как и все норманисты, сходятся на том, что варяги и русы – скандинавы» [23, с. 52], и предположение о происхождении варягов не из Скандинавии, а с южного побережья Балтийского моря, которое развивают последователи школы А. Г. Кузьмина, вызывает возражения ряда современных историков [24].

Подобного рода обобщения, некритично воспроизводимые в учебной литературе, дают значительный повод для критики, поскольку характеризуются умалчиванием «неудобных» вопросов, акцентировкой одних и ретушированием других сюжетов отечественной истории, а также заметным идейно-политическим окрасом норманнской проблемы. Наряду с ценностно-идеологическими и финансово-политическими причинами бытования мифологем важно указать и на не всегда квалифицированное владение историографическим материалом, а также отсутствие полидисциплинарного подхода к решению норманнской проблемы, приводящее к модернизации в объяснении исторических реалий.

Вместе с тем существует значительный пласт историографической традиции, где в том или ином виде анализировалась историко-психологическая составляющая природы оформления раннесредневековой государственности, формулировалась общеисторическая закономерность, преимущественно основанная на анализе процессов, протекавших на раннесредневековом Западе (см.: [6]). С. С. Аверинцев одним из первых поставил вопрос о раннесредневековой ксенократии – господстве этнически чуждого элемента – в рамках более широкой проблемы осязаемой и наглядной «внешности» власти по отношению к органической жизни общества. В самой своей «внешности», «инаковости», «чуждости» обществу всякая политическая власть всецело обусловлена жизнью общества, его запросами, его нуждами, его противоречиями и слабостями. Исследователь приходит к выводу, что «варвар-завоеватель на Западе... приходит “извне” в самом буквальном, пространственно-топографическом смысле слова» [25].

Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин, анализируя сказания об обретении государственности, представленные в европейских памятниках, приходят к выводу, что мотив призвания правителей присущ многим историографическим традициям древности и средневековья. Мотив призвания властителя

прослеживается в римской, западославянской, англо-саксонской традициях. Исследователи выделяют два основных варианта сказаний об обретении государственности, условно называя их призыванием и переселением. Как отмечают авторы, «ни в одном случае историческая основа сюжета не поддается верификации, хотя и сохраняет историческое правдоподобие в целом и достоверность отдельных реалий» [26]. Суммируя последнее, Е. А. Мельникова замечает, что «конунг-основатель такого государства приходит, условно говоря, “из-за моря” повсеместно» [27]. Как видим, мысль современной исследовательницы является во многом созвучной позиции С. С. Аверинцева.

Справедливое наблюдение приводит и И. Н. Данилевский: «Аналогичные легенды, связанные с зарождением государственных институтов, есть у многих других народов Европы. Так, предание о Рюрике едва ли не дословно совпадает с рассказом Видукинда Корвейского о приглашении саксов бриттами...» [28, с. 42].

Одна из первых попыток расшифровать природу «заморской» государственности как закономерного явления в развитии обществ определенного типа принадлежит американскому социологу Э. Геллнеру. Теория Геллнера исключает в раннем средневековье наличие национальных моментов. Рассматривая раннесредневековые общества, исследователь отмечал их аграрный и автаркичный характер. В подобных обществах «никто не заинтересован в сохранении культурного единства на социальном уровне»; «все в этом обществе противится приведению политических границ в соответствие с культурными» [29]. Наблюдения О. Н. Мухина конкретизируют основные положения теории Геллнера: «Различные регионы Европы дают нам многообразные варианты роли чужеродного фактора в становлении государственности» [30, с. 61]. Историк справедливо отмечает, что вопрос о необходимости чуждого элемента при формировании средневековой государственности тесно переплетается с особенностями вариантов синтеза [30, с. 46]. В этом контексте автор подчеркивает своеобразие Руси, «где дистанцированность от источника влияния позволяла русской элите выборочно принимать те или иные чуждые веяния, плюс наличие нескольких очагов заимствования» [30, с. 61].

И. Ю. Николаева, суммируя эти закономерности, делает вывод о ксенократичности как типологическом признаке раннесредневековых государств. Рассматривая агональную сторону социальной психологии тех, кто составлял комитат, И. Ю. Николаева подчеркивает: «Мотивы как Хенгеста и Хорсы, так и Рюрика одноприродны мотивам всех вождей, если принимать в расчет их основные ценностные установки – самоутверждение как сильных и удачливых,

при слабой рациональной рефлексии» [6, с. 109]. На каком-то этапе эти установки могут подавляться или же не выявляться, пока сиюминутные политические интересы совпадают, но они так или иначе проявят себя в последующем. Исследовательница иллюстрирует это на примере поведения англосаксонских вождей, которые, будучи призванными, вскоре рассорились с Вортигерном и превратились во врагов бриттов. При этом подчеркивается, что данное поведение органично вписывается в пластику объяснения природы генезиса государственности. Трансформация социально-политической структуры обществ, находящихся на последней стадии родоплеменного строя в эпоху военной демократии, создает условия как для складывания государственности на местной почве (появление конунгов-князей с дружинами, все более отрывавшихся от пуповины родовых связей), так и для катализации этого процесса «инородным» элементом. Заметим, что в историографии вопроса неоднократно высказывалась мысль о том, что иноземное происхождение накладывало определенный отпечаток на властные функции правителя: правитель чужого происхождения в силу своей нейтральности, скорее, мог сгладить трения внутри крупных межплеменных образований [31, с. 207].

Сходное с отмеченным выше поведение норманнов выявляет принятая рядом исследователей гипотеза о том, что в лице Рюрика норманнская верхушка подавила возникшую оппозицию новгородской знати во главе с Вадимом Храбрым [32, с. 11; 33]. Убийство Рюриком словенского князя Вадима (и соправительствующих с ним старейшин) с последующим присвоением княжеского титула И. Я. Фроянов сопоставляет с местными обычаями и понятиями об источниках власти правителей. Это событие, по мысли исследователя, «едва ли вызвало в народе замешательство, а тем более жажду мести; Бог на стороне победителя...» [33, с. 103]. Военная помощь, оказанная варягами новгородским словенам, была, очевидно, довольно эффективной, что и побудило их конунга посягнуть на местную княжескую власть. В то же время появление носителя власти со стороны способствовало усилению публичной власти, «существовавшей в словенском обществе под покровом родоплеменных отношений еще до призвания варягов» [33, с. 106]. Во всяком случае, данная гипотеза не вступает в противоречие с накопленным багажом историко-психологических знаний.

Пришелец-завоеватель (или пришелец, приглашенный на княжение) не только не был связан отмеченными узами с народом, которым, благодаря данному обстоятельству, ему было легче править, но и обладал мощным религиозно-символическим капиталом: он приносил с собой легенду о своем

сакральном происхождении (как, например, потомки Меровея). По мнению В. В. Пузанова, сакральная функция была главной функцией князя в раннесредневековом обществе [34, с. 125]. Князь наделялся магической силой, от которой зависело благополучие племенного объединения. Эта сила могла передаваться как по родовой линии, так и посредством насильственного завладения через убийство ее обладателя. В последнем случае она переходила к победителю, который и становился князем. «По той же причине (счастье, удача, доблесть) вождь могли сделать иноплеменника, если он обладал такой удачей» [34, с. 127].

Таким образом, в современном исследовательском поле в условиях историко-антропологиче-

ского сдвига норманнская проблема обретает новые ракурсы актуализации. Используя ресурсные возможности современного полидисциплинарного знания, мы попытались обозначить перспективы синтетической интерпретации варяжского вопроса. Анализ существующих в современной исторической литературе подходов к решению варяжского вопроса показал, что проблема историко-психологических механизмов оформления раннесредневековых государств, а вместе с ней и вопрос о значимости чужеродного влияния для становления государственности, могут быть решены только с помощью сопряжения исторического материала, собранного на микро- и макроуровне исследования.

Список литературы

1. Ильинский П. О. Долгий миг рождения: опыт размышления над древнерусской историей VIII–X вв. М., 2004. 276 с.
2. Меркулов В. И. Откуда родом варяжские гости? М., 2005. 127 с.
3. Николаева И. Ю. Историческое мифотворчество в современном образовательном процессе российской школы // Преподавание истории и обществознания в школе. 2008. № 6. С. 13–15.
4. Володина Т. А. Учебники отечественной истории как предмет историографии: середина XVIII – середина XIX вв. // История и историки: историограф. вестник. М., 2005. С. 104.
5. Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005. 301 с.
6. Николаева И. Ю. Национальное самосознание и национальные мифы как проблема современного учебно-образовательного процесса // Вестник ТГУ. История. 2008. № 2 (3). С. 105–115.
7. Степанищев А. Т. История России IX–XVII вв.: от российской государственности до Российской империи. М., 2007. 582 с.
8. История России IX–XX вв.: учебник / под ред. Г. А. Аммона, Н. П. Ионичева. М., 2002. 813 с.
9. Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. 446 с.
10. Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. 120 с.
11. Кольев А. Н. Политическая мифология: реализация социального опыта. М., 2003. 382 с.
12. Морьяков В. И. История России IX–XVIII вв. М., 2004. 447 с.
13. Россия в мировой истории / под общ. ред. В. С. Порохни. М., 2003. 591 с.
14. Зуев М. Н. История России: учебник. М., 2008. 634 с.
15. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2000. 605 с.
16. Торопцев А. П. Рюриковичи. Становление династии. М., 2007. 207 с.
17. История России (IX–XX вв.): учеб. пособие / отв. ред. Я. А. Перехов. М., 2002. 620 с.
18. Захаревич А. В. История Отечества: учебник. М., 2006. 755 с.
19. История России с древнейших времен до конца XVII в. 10 класс: поурочные планы по учебнику А. Н. Сахарова, В. И. Буганова / авт.-сост. Н. С. Кочетов. Волгоград, 2007. С. 23.
20. Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. 400 с.
21. История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.: учебник / под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1983. 416 с.
22. Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. 486 с.
23. Анохин Г. И. Новая гипотеза происхождения государства на Руси // Вопр. ист. 2000. № 3. С. 51–61.
24. Петрухин В. Я. Древняя Русь: народ, князь, религия // Из истории русской культуры. Т. 1. М., 2000. С. 80–101.
25. Аверинцев С. С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к Средневековью // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 20.
26. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Вопр. ист. 1995. № 2. С. 44–57.
27. Мельникова Е. А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987. 203 с.
28. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) М., 1998. 400 с.
29. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. 319 с.

30. Мухин О. Н. Проблематика генезиса властных структур в эпоху раннего Средневековья в современной отечественной медиевистике: дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2000. 158 л.
31. Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. 303 с.
32. Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопр. ист. 1991. № 6. С. 3–15.
33. Фроянов И. Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. 280 с.
34. Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. 624 с.

Каратовская В. В., аспирант.

Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, г. Томск, Томская область, Россия, 634050.

E-mail: Iforya@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 14.07.2010.

V. V. Karatovskaya

**PROSPECTS OF HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF «THE VARANGIAN QUESTION»
(IN THE CONTEXT OF THE RESEARCH OF THE MODERN EDUCATIONAL LITERATURE)**

The article is devoted to the problem of synthetic interpretation of the Varangian question, to the problem of the value of foreign elements in the process of the early-medieval states formation. The author analyzed modern problems and prospects in solving «the Varangian question». The author analyzed the modern condition of «the Varangian problem» researching contemporary educational and scientific literature on Russian history.

Key words: *xenocracy, the Norman problem, myth, self-consciousness, interdisciplinary approach.*

Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Tomsk region, Russia, 634050.

E-mail: Iforya@yandex.ru